

Д. С. Артамонов^a

ORCID: 0000-0001-8689-1948
✉ artamonovds@mail.ru

С. В. Тихонова^a

ORCID: 0000-0002-1778-4329
✉ segedasv@yandex.ru

Е. Э. Чеботарева^b

ORCID: 0000-0002-1778-4329
✉ e.chebotareva@spbu.ru

^a Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов)

^b Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

ТЕОРИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ НИШ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАПАМЯТИ

Аннотация. В статье анализируются возможности применения теории конструирования ниш для изучения медиапамяти. Авторы рассматривают медиапамять как механизм производства, хранения и забвения коллективно разделяемых представлений о Прошлом в цифровой среде, интегрировавшей всю человеческую культуру в пространство медиа. Теория конструирования ниш позволяет объяснить процессы формирования коллективной памяти и показать ее соотнесенность с индивидуальной памятью, экстраполируя методологию биологической науки на гуманитарную область познания. В статье проанализированы основные идеи Ричарда Хирсминка о роли экологии памяти и распределенных идентичностей в конструировании нарративных ниш, которые наследуются и видоизменяются в результате индивидуального, а также коллективного творчества по воспроизводству представлений о Прошлом. Логика конструирования ниш памяти в цифровой среде обусловлена способом производства медиаконтента, типами поведения индивида в социальных сетях и особенностями взаимодействия с информационными технологиями. По мнению авторов, цифровые посредники в виде технологий и социальных медиа оказывают существенное влияние на конструирование индивидуальных и публичных нарративных ниш, обеспечивая возможность их взаимоперехода.

Ключевые слова: медиапамять, коллективная память, историческая память, теория конструирования ниш, экология памяти

Для цитирования: Артамонов Д. С., Тихонова С. В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 10–24. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24>.

Статья поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Принято к печати 11 февраля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022

Articles

D. S. Artamonov^a

ORCID: 0000-0001-8689-1948

✉ artamonovds@mail.ru

S. V. Tikhonova^a

ORCID: 0000-0002-1778-4329

✉ segedasv@yandex.ru

E. E. Chebotareva^b

ORCID: 0000-0002-1778-4329

✉ e.chebotareva@spbu.ru

^a *Saratov State University (Russia, Saratov)*

^b *Saint Petersburg State University*

(Russia, St. Petersburg)

NICHE DESIGN THEORY AS A TOOL FOR MEDIA MEMORY RESEARCH

Abstract. The article discusses the methodological possibilities of niche construction theory in the context of media memory study. The authors consider media memory as a mechanism for the production, storage and oblivion of collectively shared ideas about the Past in a digital environment that has integrated all human culture into the media space. The theory of niche construction makes it possible to explain the processes of formation of collective memory and to show its correlation with individual memory, extrapolating the methodology of biological science to the humanities. The authors analyze the main ideas of Richard Heersmink concerning the role of the ecology of memory and distributed identities in the construction of narrative niches. Individuals inherit narrative niches and modify them as a result of individual as well as collective creativity in reproducing ideas about the Past. The methods of media content production, the types of individual behavior in social networks and the features of its interaction with information technologies determine the logic of constructing memory niches in the digital environment. The authors conclude that digital intermediaries in the form of technologies and social media have a significant impact on the construction of individual and public narrative niches, providing the possibility of their transition into one another.

Keywords: media memory, collective memory, historical memory, theory of niche construction, ecology of memory

To cite this article: Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V., & Chebotareva, E. E. (2022). Niche design theory as a tool for media memory research. *Shagi / Steps*, 8(3), 10–24. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24>.

Received January 11, 2022

Accepted February 11, 2022

Твердо помнит это душа моя и падает во мне.
Плач Иеремии 3:20

Введение

В цифровом обществе представления о Прошлом конструируются весьма широким набором агентов. Сегодня профессиональные историки, писатели, кинематографисты, журналисты теряют монополию на производство медиапамяти, поскольку небывало возрастает доля контента, отражающего Прошлое или пригодного для его реконструкции, который генерируется рядовыми пользователями социальных сетей. Историческая память переходит в новую свою форму — медиапамять, для которой характерно доминирование цифровых механизмов производства, трансляции и хранения образов Прошлого в виде медиатекста. Механизмы межпоколенческой передачи исторических знаний в современных обществах до сих пор не относятся к числу хорошо изученных. Если роль институализированных агентов (научные организации, школа, СМИ, церковь) в этом процессе очевидна, то вклад семейной памяти и коллективной памяти локальных сообществ, нередко представленный преимущественно в устной форме, нуждается в дополнительном осмыслении. Цифровая коммуникация обнажила многие горизонтальные механизмы, объективировав их в формате интернет-жанров. Но вопрос о механизмах преемственности в производстве памяти о Прошлом остается открытым.

Развитие *memory studies* — междисциплинарного исследовательского направления, ориентированного на изучение конструирования коллективных представлений о Прошлом и исторической памяти в целом, — можно разметить как смену четырех волн (в западной традиции обычно выделяют три волны, при этом не учитывается интеграция методологии цифровой гуманитаристики и *memory studies*, характерная для последнего десятилетия; см., например: [Сафронова 2018]). Первая волна началась с постановки вопроса о существовании коллективной памяти об историческом времени и о его социальных рамках в трудах М. Хальбвакса. В рамках второй волны рефлексировались различия генезиса и социальная роли исторических знаний и исторических представлений, поэтому модели исторической памяти, развиваемые в работах П. Нора и Я. Ассмана и их последователей, отражают ключевой конфликт между «официальным» историческим нарративом, формируемой идеологией, образовани-

ем и наукой, и живой памятью поколения, основанной на личной и семейной истории. Белые пятна, замалчивания, фальсификации официального дискурса рассматривались как вместилища работы памяти локальных коллективов, реализуемых в маргинальных медиаформах — дневниках, мемуарах, переписке. Источником представления о Прошлом здесь является внеинституциональный, лично окрашенный контакт поколений. Третья волна связана с переходом от исследований памяти (memory studies) к исследованиям травм (trauma studies) [Николаи, Хазина 2013], ориентированным на изучение памяти о великих катастрофах XX в., мировых войнах и геноцидах. В таком ракурсе важным становится исследование механизмов «приватизации» потомками воспоминаний предыдущих поколений о травматических событиях, работы так называемой постпамяти (М. Хирш). Четвертая волна связана с обращением к феномену digital memory, или медиапамяти, и с разнообразной адаптацией цифровых методов исследования мемориального контента интернет-сетей [Garde-Hansen et al. 2009; Neiger et al. 2011; Hoskins 2017].

Исследовательские программы, осуществлявшиеся в рамках данных волн, предлагают разные подходы к изучению взаимодействия поколений по передаче образов прошлого, однако выбор анализа кейсов в качестве типичной методики работы с репрезентациями представлений о прошедших событиях приводит к тому, что конфигурация памяти вокруг конкретного события чаще всего рассматривается как уникальная. Многое зависит от того, с каким источником репрезентаций работает исследователь. Так, широкоизвестная работа М. Хирш «Семейные рамки: фотография, нарратив и постпамять» [Hirsch 1997] строится на анализе рефлексии о фотообразах близких в рамках конструирования семейной памяти. Однако фотографии как исторический источник всегда предполагают широчайший интерпретационный контекст, в котором нарратив может легко разрывать и игнорировать очевидно типическое и закономерное в отражении событий. Безусловно, индивидуализация — одна из ключевых характеристик событийного ряда биографического движения и исторического процесса, тем не менее поиск методологических конструкций, позволяющих определять роль субъективных усилий в трансформацию коллективных представлений, представляется нам не только возможным, но и актуальным. Проблемой является зона такого поиска: в условиях междисциплинарности современных исследований памяти эвристическим может оказаться не внутреннее поле, сгенерированное общими идеями и принципами memory studies, но и совершенно внешние для концепции сферы, описывающие коммуникативное взаимодействие индивида и коллектива. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на адаптации современного биологического подхода, актуализирующего отношение организма, популяции и среды к потребностям исследований исторической памяти четвертой волны.

Теория конструирования ниш

В современной науке, в том числе гуманитарной, чрезвычайно популярны биологические модели и метафоры. Примером может служить «вирусная» метафора мема, выдвинутая Р. Докинзом и давшая импульс целому ряду теоретических и прикладных исследований культуры и медиафилософии. Весьма

богат и методологический потенциал концепции глобального эволюционизма, потенциально приложимый к исследованиям социокультурных процессов. Теория конструирования ниш (далее ТКН) относится именно к биологическим подходам, непосредственно отражая взаимодействие организма и среды. В своем современном виде ТКН разрабатывалась в трудах гарвардского биолога-эволюциониста Ричарда Левонтина, который в 1970-е и 1980-е годы отмечал, что организмы не адаптируются пассивно, приспосабливаясь к имеющимся условиям, а активно конструируют важные компоненты своих ниш [Levins, Lewontin 1985: 336]. Оксфордский биолог Джон Одлинг-Сми в конце 1980-х годов предложил термин «конструирование ниш», сформулировав аргумент о том, что конструирование ниш (под которыми понимается место в экосистеме) и экологическое наследование следует признать эволюционными процессами [Odling-Smee 1988]. Сразу после публикации его статьи 1988 г. начался стремительный рост исследований в области ТКН, и из эволюционной биологии и экологии этот концепт перешел в социогуманитарные науки, где дал опору для развития новых подходов.

Отечественный исследователь Д. П. Фролов отмечает, что ТКН развивается в более широких рамках расширенного эволюционного синтеза (extended evolutionary synthesis, EES), который представляет собой мощнейший парадигмальный сдвиг; этот подход предлагает вызов ставшему архаичным в XXI в. неodarвинизму [Фролов 2019]. Не фокусируясь на генезисе расширенного эволюционного синтеза, отметим некоторые важные особенности расширенного эволюционного синтеза (или «эво-дево», как его часто называют): организм и среда не разделены, их отношения основаны на интерактивных причинно-следственных связях; наследуются не только гены, но также созданные популяцией экологические ниши, поведенческие и культурные паттерны, результаты социального обучения; крупные морфологические изменения могут происходить без серьезных изменений в геноме, роль адаптивных эволюционных процессов преувеличена («выживает безвредный») [Там же]. Как показывают основатели этого подхода — Дж. Одлинг-Сми и К. Лалэнд, подобные характеристики оказываются очень важны для исследования человеческих сообществ в исторической перспективе. В статье, посвященной сопоставлению экологического и культурного наследия [Odling-Smee, Laland 2011], они отмечают, что ТКН открыто признает изменение окружающей среды организмами (создание ниши) и ее экологическое наследование как самостоятельные эволюционные процессы, и предполагают, что культурные процессы и культурное наследие можно рассматривать как основные средства, с помощью которых люди участвуют в универсальном процессе создания ниши.

Итак, культуру можно рассматривать как инструмент создания ниш и среду для их развития. Полагаем, что инструментальность культуры реализуется на уровне популяции. В то же время на уровне индивидов речь всегда идет о конструировании ниши в культуре, поскольку именно культурная среда выступает основой повседневности человека. Разумеется, в данном контексте речь идет о крайне широком понимании культуры. В его рамках исследования уже упомянутого Д. П. Фролова, посвященные институциональной экономике, могут рассматриваться как изучение «антропогенного измерения» среды. Модели «эво-дево» (включающие ТКН), концептуализирующие направления

коэволюционного развития вида и среды, могут использоваться в виде аналогий для описания и осмысления любых культурных антропогенных процессов (конструктивность этих аналогий, тем не менее, предстоит еще проверить). Для исследований исторической памяти в этом направлении актуальными являются идеи Ричарда Хирсминка (Университет Монаша, Мельбурн, Австралия), адаптировавшего ТКН в качестве методологической основы для понимания социальных процессов, в рамках которых осуществляется влияние технологий на память, познание и идентичность.

Как конструируется нарративная ниша памяти: экология памяти

Основные идеи Р. Хирсминка изложены в его статье «Конструирование нарративной ниши: экология памяти и распределенные нарративные идентичности» [Heersmink 2020]. Экологию памяти он связывает с объектами, способными вызывать автобиографические воспоминания. Автобиографический ракурс важен для выявления субъектной активности носителя памяти. Методология ТКН в данном случае используется для анализа когнитивных конструктов, соответственно, такой подход равнозначен трактовке памяти как когнитивной деятельности. У анализа Хирсминка есть три отличительные особенности. Во-первых, согласно его теории, представления о прошлом не являются пассивной, автоматически сгенерированной информацией. При этом когнитивное не сводится к рациональному — важную роль в конструировании воспоминаний играют эмоции. Во-вторых, Хирсминк рассматривает воспоминания как повествование, поэтому он работает с нарративами памяти. В-третьих, в центре его внимания лежит вертикаль трансляции памяти, связывающая уходящее поколение с новым через необходимую для идентичности информацию, заложенную в личных и семейных историях.

Концепт «экологии памяти» Хирсминк использует для того, чтобы показать, как личное прошлое становится строительным материалом повествовательной идентичности «Я». Автобиографические воспоминания реализуют нарративную идентичность субъекта, распределяясь в его нейроактивности — как субъективные представления, и в личном пространстве — как объективированный нарратив. Это распределение поддерживает стабильность повествовательной идентичности индивида. В итоге Хирсминк формулирует свои выводы следующим образом:

- 1) у человеческих «Я» есть повествовательная структура, воплощенная в автобиографических воспоминаниях;
- 2) некоторые из наших автобиографических воспоминаний распределяются по воплощенному (embodied) мозгу¹, взаимодействуя с экологией памяти;
- 3) если человеческие «Я» имеют повествовательную структуру, реализованную автобиографическими воспоминаниями, и если некоторые из наших автобиографических воспоминаний являются распределенными, то человеческие «Я» также являются распределенными;

¹ Этот концепт Хирсминка связан с теорией воплощенного познания (embodied cognition), с которой он работает и которая подразумевает необходимость рассмотрения разума во взаимосвязи с физическим телом — его носителем (особенности которого во многом определяют разум) — и со средой, в которой это тело действует.

4) поэтому человеческие повествовательные «Я» иногда представляют собой распределенные структуры [Heersmink 2020: 9].

Таким образом, повествовательный нарратив памяти использует два вида ресурсов — внутренние нейроресурсы работы сознания и внешние компоненты, технологические и социальные. Подобные ресурсы для Хирсминка — не источники памяти, а ее прямые строительные блоки, которые комбинируются в разных последовательностях. Именно это позволяет ему констатировать распределение нарративов. Субъект опыта памяти, несмотря на открытость среде, всегда связан с субстратом сознания. Комбинаторика ресурсов приводит к тому, что индивидуальные воспоминания позволяют индивиду видеть собственную жизнь как разворачивающуюся траекторию.

Как работает вертикаль экологии памяти? Хирсминк отмечает, что ТКН учитывает то обстоятельство, что потомки организмов, создающих нишу, весьма часто наследуют среду, созданную их родителями, получая от последних не только гены, но и измененный ландшафт, ослабивший давление отбора. Иначе говоря, речь идет о двух типах наследования — экологическом и генетическом. Если генетическая наследственность хорошо изучена, то влияние экологической наследственности на эволюционную траекторию требует новых исследований. Среда информационных артефактов усиливает возможности сознания индивида, внешние носители информации расширяют возможности биологической памяти. Благодаря таким новым возможностям усиления памяти наличное поколение не только изменяет унаследованную среду, но и проектирует когнитивную нишу следующего поколения. В каждом конкретном случае необходимо разграничивать общественную и индивидуальную когнитивные ниши: первая формируется множеством вторых. Она интерсубъективна, говоря языком социальной феноменологии.

Для описания этого процесса Хирсминк использует предложенный К. Стерелни концепт «кумулятивного последующего эпистемологического проектирования» [Sterelny 2003]. Современное познание возможно только благодаря тому, что память культуры («общественная ниша» по Хирсминку и «историческая память» в *memory studies*) сохраняет и удерживает коды, институциональные структуры и символические системы, которые вряд ли способны вместить индивидуальное сознание. Конечно, новоевропейская культура печатной книги и далее — цифровая культура ослабили естественный отбор в пользу сильной биологической памяти, но эволюционные темпы несопоставимы с историческими. Возможно, в настоящее время эволюционные изменения еще неочевидны наблюдателю, но разница в работе биологической и исторической памяти вполне наглядна.

Хирсминк настаивает на том, что «экологическое наследование когнитивных артефактов и репрезентативных систем играет центральную роль в развитии и эволюции наших когнитивных способностей», убедительно демонстрируя, как каждое поколение вносит изменения в наследуемые ими системы и приспособления, делая их проще, удобнее и релевантнее по отношению к вызовам своей среды. «Без горизонтальной и вертикальной передачи информации через когнитивные артефакты, репрезентативные системы и социальное обучение человеческая культура и познание не были бы такими продвинутыми и сложными, как сейчас. Большой прогресс в гуманитарных

науках, юриспруденции и государственном управлении был бы невозможен без культурной передачи информации» [Heersmink 2020: 13].

Практические и эволюционные преимущества автобиографической памяти и повествовательной идентичности по Хирсминку — это возможность структурировать в повествовании накопленный опыт, тем самым задавая последовательную структуру человеческой темпоральности. Учитывая, что у людей срок жизни по меркам млекопитающих довольно велик, речь идет о весьма существенной эволюционной выгоде: память позволяет разобраться в огромном объеме накопленных переживаний, осмыслить наше прошлое, понять настоящее с точки зрения разворачивающейся траектории и ориентироваться на будущее. Нарративы являются основой целенаправленной деятельности людей во времени и пространстве, это их качество легко обнаружить, обратив внимание на критическое ограничение свободы действий, вызываемое слабоумием, черепно-мозговыми травмами и амнезией [Heersmink 2020: 14].

Как видим, ТКН позволяет Хирсминку рассмотреть связи индивида и окружающей культурной среды через призму механизмов транспоколенческой преемственности человеческой памяти и обнаружить в этих связях эволюционные преимущества, что имеет большое значение для *memory studies*.

Модификация ниши памяти и когнитивная инженерия

Хирсминк легко переходит от ТКН к понятию когнитивной инженерии, заменяя тем самым биологическую метафору на техническую (что, впрочем, является не методологической авантюрой, а попыткой более внимательного междисциплинарного подхода). Взаимозаменяемость этих подходов в ходе интеллектуальной истории хорошо продемонстрирована, например, Рэем Пэтоном [Paton 1992]. Конструирование экологии памяти и когнитивную инженерию Хирсминк рассматривает как синонимы, поскольку и в том, и в другом случае мы имеем дело с модификацией и использованием объектов среды для достижения своих целей и оперируем для этого планом (общим или индивидуальным). В качестве примера такого плана организации памяти Хирсминк приводит список покупок, с которым мы собираемся в магазин [Heersmink 2020: 14–15].

Первый этап этого процесса когнитивной инженерии — проектирование. Проблемная ситуация заставляет индивида вырабатывать план-проект по трансформации среды или созданию ее объектов. Затем идет реализация плана, которая предполагает воздействие на среду, направленное на создание структур и объектов. И последний этап — использование полученного объекта/структуры для выполнения когнитивной функции. Важно, что Хирсминк конкретизирует когнитивную инженерию через понятия создания, редактирования и использования ресурсов экологии памяти [Heersmink 2020: 15].

Создание ресурсов памяти поливариантно, поскольку может быть целенаправленным и стихийным. Люди намеренно создают фотографии, покупают сувениры, делают записи в дневниках — именно для того, чтобы эти объекты вызывали потом в их памяти воспоминания. Но воспоминания и сами накладываются на объекты, окружавшие индивида во время события, и потом ассо-

цируются с ними. Например, возвращение в уже посещенные места актуализирует память о старых историях; одежда, которую люди надевали на торжественные события, хранит память об этих событиях.

Создание ресурса памяти как транзакционная активность чаще всего идет спонтанно, объекты и память связываются непрерывно в процессе социальной активности. Однако возможность использовать созданную ассоциацию объекта и воспоминания сама по себе практически не зависит от намерения ее создать. Иначе обстоит дело с редактированием ресурсов памяти — это всегда целенаправленный процесс. Следы Прошлого избыточны, людям необходима их селекция, чтобы избежать информационной перегрузки. Для удаления нежелательных воспоминаний удаляются связанные с ними ресурсы — уничтожаются фотографии и письма, меняется обстановка в доме (иногда и сам дом), некоторые места памяти табуируются.

Использование ресурсов экологии памяти направлено на извлечение и конструирование собственно автобиографических нарративов, что предполагает целенаправленный контакт/взаимодействие с агентами памяти. При этом ресурс памяти может замещаться партнером по транзакционной памяти как источником автобиографических смыслов либо использоваться совместно с ним. Обращение к информации о прошлом предполагает разные степени абстрагирования, лежащие в основе нарративов о периодах жизни, повторяющихся и уникальных событиях, а также различные формы и степени их разделения с контрагентами.

Создание, редактирование и использование ресурсов памяти предполагает и семантические, и эмпирические процессы, разные по сложности и продолжительности, сменяющие, дополняющие и разворачивающие друг друга. Поэтому экология памяти Хирсминка всегда динамична, открыта включению в нее людей и их групп. Присоединение новых субъектов обеспечивает кумулятивность памяти, накопление редактируемых воспоминаний. Спонтанные процессы и осознанное редактирование являются ее неотъемлемыми компонентами, поэтому «подлинная», неизменная память — всегда утопия.

Технологии медиапамяти

Рассмотрение экологии памяти как способа извлечения воспоминаний через распределение нарративных идентичностей мы сводили к универсальным, предельно общим способам взаимодействия с объектами. Теперь попытаемся рассмотреть, как специфицируют экологию памяти и построение ниш цифровые технологии, лежащие в основе производства медиапамяти.

Примером современной технологической поддержки ниш памяти Хирсминк считает лайфлоггинг — фиксацию всех действий пользователя с помощью носимых на шее камер с широкоугольным объективом типа SenseCams (как правило, камеры интегрируются с «умными» часами, фитнес-трекерами, смартфонами и другими гаджетами, позволяющими накапливать данные о GPS-локации, числе шагов/движений, режиме сна, частоте сердечных сокращений, рационе, покупках, в том числе на облачных сервисах). Действительно, развитие и широкое распространение практик цифрового соматического самоконтроля в биохакерском движении количественной самооценки

(QS) [Wexler 2017: 224] привело к росту числа пользователей, накапливающих ресурсы памяти о себе небывалой степени детализации и масштабов, вплоть до того, что биография может быть реконструирована поминутно.

Как показывает успех программного обеспечения по поиску в цифровом «журнале жизни», разработанного Г. Беллом [Bell, Gemmell 2009: 57], цифровая память гораздо более точна и надежна, чем биологическая. Однако речь идет скорее о том, что в первой доминирует спонтанность; персонализированные данные самоквантификации формируются до появления автобиографического нарратива и не содержат «редактуры». Утратить такую память в силу сбоя программы или потери гаджета гораздо проще, чем потерять личные воспоминания.

Кроме того, описание Хирсминком лайфлоггинга поддерживает метафору замкнутого хранилища. Большинство современных приложений для самоквантификации предполагает наличие коллективных настроек, позволяющих, например, учитывать совместные тренировки и сравнивать значения достигнутых людьми показателей, а также инструментов выгрузки данных. Разнообразие таких сервисов, брендовая политика производителей и обилие получаемой информации приводят к тому, что очень небольшое число пользователей, за исключением идейных энтузиастов, использует получаемые данные для аналитики и глубокого осмысления. На наш взгляд, именно специфика цифровых посредников требует конкретизации идей Хирсминка там, где речь идет о переходе индивидуальной ниши в публичную.

Механику этого перехода можно обнаружить при обращении к мемориальному потенциалу цифрового контента, производимого пользователями социальных сетей. Действительно, распространенным ресурсом медиапамяти являются пользовательские профили в социальных сетях, куда загружаются и благодаря которым становятся доступными для групп и масс цифровые автобиографические ресурсы памяти — фотографии, заметки, видео, интернет-мемы и т. д. Пользовательский контент транслируется прямо из профиля, обнаруживается в новостных лентах и репостится в пабликах и группах.

Цифровой контент может сразу создаваться как ресурс памяти, приобретать спонтанную ассоциативную связь, редактироваться и использоваться в самых разных комбинациях. Создание любого вида контента, несмотря на общую интернет-гибридизацию жанров, подчиняется набору определенных правил. Те из правил, что задаются техническими параметрами социальной сети (число знаков, организация медиатекста, используемые форматы), осваиваются в процессе формирования медиаграмотности. Те, что связаны с этикетными практиками и режимами допустимости/недопустимости, политкорректности и пр., задаются преимущественно имплицитно и варьируются в разных сообществах. Наиболее очевидна работа таких норм на примере селфи. В отличие от цифровых фотографий, селфи как сетевой феномен предполагает процесс сборки, обязательным элементом которой является «расшаривание» снимка в социальных сетях [Rubinstein 2015]. Дейксис, жест-указание на себя в конкретном контексте является смыслом селфи [Frosh 2015]. Эгоцентричность селфи изначально вызывала широкое общественное недовольство, проявлявшееся и в научном дискурсе, выражавшееся в обвинениях селфистов в нарциссизме. Очень быстро выработался ряд конвенций,

регулирующих допустимость отметок других лиц на коллективных селфи, способов производства селфи в местах памяти, совместимых с религиозными и патриотическими чувствами.

Эти конвенции, даже если «спускаются сверху» собственниками социальных медиа, изначально формируются как продукт коммуникативной рациональности в публичных обсуждениях. Такие площадки мы называем социально-эпистемическими аренами, поскольку в них отрабатываются когнитивные практики взаимодействия с цифровым контентом. Социально-эпистемические арены и являются механизмом сообщения индивидуальных и коллективных ниш памяти. Они создаются также как риторические арены, состоящие из множества коммуникационных пространств, которые объединяются с целью обмена информацией и выработки общего решения кризисной ситуации [Rodin et al. 2019]. Процесс конструирования коллективно-разделяемых представлений о Прошлом имеет коммуникативную природу. Я. Ассман называл коммуникативной памятью коллективные воспоминания, связанные с недавним прошлым, разделяемые современниками и циркулирующими в обществе в течении 2–3 поколений [Ассман 2004: 52–54]. Между тем в цифровом обществе индивидуальная и коллективная память формируются в процессе постоянного обмена информацией между тремя равноправными акторами, вырабатывающими знание о Прошлом, которые и составляют основу социально-эпистемических арен: 1) учеными-профессионалами или инфлюенсерами, лидерами мнений; 2) «умными толпами», массами интернет-пользователей; 3) цифровыми технологиями («нечеловеками» в терминологии Б. Латура). В результате конвергенции информации, производимой всеми тремя акторами, знание становится частью коллективного достояния и превращается в память. Историческое знание тем самым трансформируется в историческую память, и грань между ними в цифровом мире стирается из-за непосредственного участия в этом процессе масс интернет-пользователей и благодаря задействованию медиатехнологий. Индивиды конструируют собственные ниши памяти из личного и доступного им знания, почерпнутого в медиaprостранстве, делятся ими с другими, подвергнув творческому переосмыслению и интерпретации, а наиболее популярные версии индивидуального прошлого переходят в коллективные ниши, изменяя культурное пространство и становясь его частью.

Индивидуальные версии Прошлого могут воспроизводиться не только в текстовом нарративном формате, но и в графическом, а чаще всего в креолизованном виде, сочетающем изображение и текст. Это могут быть и уже упоминаемые выше селфи, и интернет-мемы, и компьютерные игры, и фанфики, и видеоролики, т. е. все, что составляет сетевой медиаконтент. Вокруг этих индивидуальных версий Прошлого формируются сообщества, в которых вырабатываются представления об исторических событиях, им дается оценка, разделяемая большинством участников. Однако они не существуют в неизменном виде, цифровой контент подвергается постоянной трансформации, благодаря чему меняется содержание нарратива, а сам нарратив, имея вирусное распространение, включает новых участников в коллективные ниши памяти, т. е. они являются действительно «живым» организмом в виртуальном пространстве.

Выводы

Мы работаем в контексте четвертой волны *memory studies*, связанной с обращением к феномену *digital memory*, или медиапамяти, и для нас остается открытым вопрос о механизмах преемственности в производстве памяти о Прошлом. В данной работе мы обратились к эволюционному подходу — теории конструирования ниш, — использование которого в рамках исследований механизмов памяти выглядит достаточно нетривиально и нуждается в дальнейшем исследовании. С одной стороны, мы говорим об экологии памяти, т. е. об определенном взаимодействии человека с объектами среды, как естественной, так и культурной, которые связаны с ресурсами памяти — историческими и автобиографическими нарративами. С другой стороны, эта работа со внешней средой и собственными ресурсами памяти, опирающаяся на план и алгоритм, может быть рассмотрена в техническом, а не культурном или биологическом аспекте — например, в рамках упоминавшейся когнитивной инженерии. И эволюционный подход, и когнитивная инженерия демонстрируют активную роль человека в проектировании, конструировании и передаче следующим поколениям культурных, институциональных и технологических ниш. Каждое поколение, в свою очередь, корректирует и оптимизирует эти ниши, приспособляя их к происходящим историческим изменениям. Таким образом обеспечивается эволюционное развитие вида с помощью не только генетических, но и культурных механизмов, при этом остается неясным, каким из них следует отвести ключевую роль в человеческой истории.

В данной работе на примере статьи Ричарда Хирсминка было продемонстрировано, как именно можно использовать ТКН в качестве методологии исследования механизмов индивидуальной и общественной памяти. Безусловно, мы не можем рассматривать исследование Хирсминка как парадигмальное, и те преимущества, которые дает (или не дает) подход ТКН, еще предстоит оценить, однако его активное проникновение в социогуманитарную сферу не может не вызывать интереса.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. И. М. Сокольской. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Николаи, Хазина 2013 — *Николаи Ф. В., Хазина А. В.* На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш // Диалог со временем. № 43. 2013. С. 162–170.
- Сафронова 2018 — *Сафронова Ю. А.* Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>.
- Фролов 2019 — *Фролов Д. П.* Эво-дево: парадигмальный вызов для институционально-эволюционного анализа // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 35–51.
- Bell, Gemmell 2009 — *Bell G., Gemmell J.* Total recall: How the E-memory revolution will change everything. New York: Dutton, 2009.

- Frosh 2015 — *Frosh P.* The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability // *International Journal of Communication*. Vol. 9. 2015. P. 1607–1628.
- Garde-Hansen et al. 2009 — Save as... Digital memories / Ed by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Heersmink 2020 — *Heersmink R.* Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities // *Biology and Philosophy*. Vol. 35. No. 5. 2020. P. 1–23.
- Hirsch 1997 — *Hirsch M.* Family frames: Photography, narrative and postmemory. London; Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997.
- Hoskins 2017 — Digital memory studies: Media pasts in transition / Ed by A. Hoskins. New York; London: Routledge, 2017.
- Levins, Lewontin 1985 — *Levins R, Lewontin R. C.* The dialectical biologist. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1985.
- Neiger et al. 2011 — On media memory: Collective memory in a new media age / Ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York; London: Palgrave Macmillan, 2011.
- Odling-Smee 1988 — *Odling-Smee J.* Niche constructing phenotypes // The role of behavior in evolution / Ed. by H. C. Plotkin. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 73–132.
- Odling-Smee, Laland 2011 — *Odling-Smee J., Laland K. N.* Ecological inheritance and cultural inheritance: What are they and how do they differ? // *Biological Theory*. Vol. 6. No. 3. 2011. P. 220–230.
- Paton 1992 — *Paton R. C.* Towards a metaphorical biology // *Biology and Philosophy*. Vol. 7. No. 3. 1992. P. 279–294.
- Rodin et al. 2019 — *Rodin P., Gherstetti M., Odén T.* Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 27. No. 3. 2019. P. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>.
- Rubinstein 2015 — *Rubinstein D.* Gift of the selfie // Ego update: The future of digital identity / Ed. by A. Bieber. Düsseldorf: NRW-Forum, 2015. P. 163–175.
- Sterelny 2003 — *Sterelny K.* Thought in a hostile world: The evolution of human cognition. Oxford: Blackwell, 2003.
- Wexler 2017 — *Wexler A.* The social context of “do-it-yourself” brain stimulation: Neurohackers, biohackers, and lifehackers // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 11. 2017. 224. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00224>.

References

- Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck. (In German).
- Bell, G., & Gemmill, J. (2009). *Total recall: How the E-memory revolution will change everything*. Dutton.
- Frolov, D. P. (2019). Evo-devo: paradigmal’nyi vyzov dlia institutsional’no-evoliutsionnogo analiza [Evo-devo: Paradigmatic challenge for institutional-evolutionary analysis]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2019(2, no. 85), 35–51. (In Russian).
- Frosh, P. (2015). The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability. *International Journal of Communication*, 9, 1607–1628.
- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., & Reading, A. (Eds.) (2009). *Save as... Digital memories*. Palgrave Macmillan.
- Heersmink, R. (2020). Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology and Philosophy*, 35(5), 1–23.

- Hirsch, M. (1997). *Family frames: Photography, narrative and postmemory*. Harvard Univ. Press.
- Hoskins, A. (Ed.) (2017). *Digital memory studies: Media pasts in transition*. Routledge.
- Levins, R., & Lewontin, R. C. (1985). *The dialectical biologist*. Harvard Univ. Press.
- Neiger, M., Meyers, O., & Zandberg, E. (Eds.). *On media memory: Collective memory in a new media age*. Palgrave Macmillan.
- Nikolai, F. V., & Hazina, A. V. (2013). Na perekrestkakh gendernykh i vizual'nykh issledovani: kontseptsii postpamiati M. Hersh [At the crossroads of gender and visual studies: The concept of post-memory by Marianne Hirsch]. *Dialog so vremenem*, 43, 162–170. (In Russian).
- Odling-Smee, J. (1988). Niche constructing phenotypes. In H. C. Plotkin (Ed.). *The role of behavior in evolution* (pp. 73–132). MIT Press.
- Odling-Smee, J., & Laland, K. N. (2011). Ecological inheritance and cultural inheritance: What are they and how do they differ? *Biological Theory*, 6(3), 220–230.
- Paton, R. C. (1992). Towards a metaphorical biology. *Biology and Philosophy*, 7(3), 279–294.
- Rodin, P., Ghersetti, M., & Odén, T. (2019). Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management* 27(3), 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>.
- Rubinstein, D. (2015). Gift of the selfie. In A. Bieber (Ed.). *Ego update: The future of digital identity* (pp. 163–175). NRW-Forum.
- Safronova, Iu. A. (2018). Tret'ia volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaya nauka*, 2018(3), 12–27, <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>. (In Russian).
- Sterelny, K. (2003). *Thought in a hostile world: The evolution of human cognition*. Blackwell.
- Wexler, A. (2017). The social context of “do-it-yourself” brain stimulation: Neurohackers, biohackers, and lifehackers. *Frontiers in Human Neuroscience*, 11, 224. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00224>.

* * *

Информация об авторах

Денис Сергеевич Артамонов

кандидат исторических наук
доцент, кафедра философии
и методологии науки, философский
факультет, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Россия, 410028, Саратов, Вольская ул.,
д. 10а
Тел.: +7 (8452) 21-36-07
✉ artamonovds@mail.ru

Information about the authors

Denis S. Artamonov

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department
of Philosophy and Methodology
of Science, Faculty of Philosophy,
Saratov State University
Russia, 410028, Saratov, Volskaya Str., 10a
Tel.: +7 (8452) 21-36-07
✉ artamonovds@mail.ru

Софья Владимировна Тихонова

*доктор философских наук
профессор, кафедры теоретической
и социальной философии, философский
факультет, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Россия, 410028, Саратов, Вольская ул.,
д. 10а
Тел.: +7 (8452) 21-36-10
✉ segedasv@yandex.ru*

Елена Эдуардовна Чеботарева

*кандидат философских наук
доцент, кафедры философии науки
и техники, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5
Тел.: +7 (812) 328-94-21
✉ e.chebotareva@spbu.ru*

Sophia V. Tikhonova

*Dr. Sci. (Philosophy)
Professor, Department of Theoretical
and Social Philosophy, Faculty
of Philosophy, Saratov State University
Russia, 410028, Saratov, Volskaya Str., 10a
Tel.: +7 (8452) 21-36-10
✉ segedasv@yandex.ru*

Elena E. Chebotareva

*Cand. Sci. (Philosophy)
Assistant Professor, Department
of Philosophy of Science and Technology,
Institute of Philosophy, Saint Petersburg
State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Mendeleevskaya Line, 5
Tel.: +7 (812) 328-94-21
✉ e.chebotareva@spbu.ru*